

Имя разлуки

Письма Инны Лиснянской

В 1990 году мы переехали из Москвы в Иерусалим. Мане на ту пору было девять лет. Перед отъездом она устроила в квартире персональную выставку своих рисунков. Бабушка Инна Лиснянская и дедушка Григорий Корин «покупали» у Мани работы. Как-то все было грустно. Железного занавеса, за которым росло старшее поколение, уже не существовало, но призрак его вызывал страх. А вдруг нас больше не пустят друг к другу? А вдруг мы больше никогда не увидимся?

Дурные предчувствия не оправдались. Мы встречались и в Израиле, и в Москве, но все же жизнь в разных странах – иной уклад. По первому зову не бросишься, на такси не доедешь. Сейчас, когда я сама стала бабушкой, я ощутила, какая это мука – жить вдалеке от детей, не видеть, «как они растут на глазах».

Елена Макарова

Инна Лиснянская – Мане Макаровой

Сентябрь 1990

Дорогая моя, любимая внучка, лучше, которой нельзя придумать!

Поздравляю тебя с днем рождения*, желаю тебе всегда быть такой прекрасной, доброй, веселой, какая ты есть. Еще будь здоровенькой! В день твоего рождения буду молиться за тебя. Пусть Господь пошлет счастья. Я часто смотрю на твою оставшуюся на даче собаку. Она смотрит на меня своими глазищами со скапа, и я часто с ней рассуждаю о тебе, игрушечная – а все понимает.

* Маня родилась 18 сентября 1980 г.

Поздравь от меня с твоим рождением маму, папу, Федю и даже твою кошку. Тебя поздравляет Семен и все дети Красновидова: Дима, Марина, Маша, Соня, Тата, а как зовут внучку Асадова, я забыла. Мысленно сижу с вами за столом и кричу: Да здравствует Маня! Целую. Твоя душой и телом бабушка.

Декабрь 1990**

Моя любимая внученька! Моя Манька! День и ночь твоя картина с аппликациями блестящими передо мной и перед моими гостями. Конечно, не ночью, а днем и вечером. Все видят и спрашивают: кто это так прекрасно расположил серебряный кувшин и бутылки, кто сделал такую красоту? – Моя внучка – хвастаюсь я, моя Маня! Рассказываю и про твою удивительную кошку, хотя она и кричит по ночам. Помнишь, как она влезла в коробку и ходила с ней по комнате? Очень по тебе скучаю, хотя там мало провели часов вместе. Я бы хотела всегда ездить с тобой в автомобиле и целовать твою коленку. Надеюсь, что ножка твоя забыла о боли. Напиши мне, как ты, как идет учеба, как мама, папа и Федя.

Ты у нас большая умница и большая фантазерка. Последнее свидетельствует о твоей художнической натуре. Глядя на тебя, я вспоминала себя в детстве – ну и веселая врушка я была, и обидчивая. Золотце мое, я тебе желаю так много хорошего, столько, сколько ты даже сама себе не желаешь. А то, что я была не слишком веселой, прости. Я просто плохо себя чувствовала, хотя и влюбилась в Иерусалим. Дай бог тебе здоровья, веселья, картин, которые бы тебе самой очень нравились. Целую крепко в коленку.

10.2.91

Родная моя Манечка! Сама ты чудесная кисанька! Как ты хорошо пишешь: «Живу хорошо, а как ты, бабушка?» Я тоже живу-поживаю. Все мы – молодцы, даже кошка твоя – молодец. Ты ее прекрасно нарисовала. А помнишь, как твоя кошка забралась в большую коробку и потащилась по комнате вместе с коробкой. Мне такая резвая кошка еще не встречалась, такая же шалунья, как и ее хозяйка. Так что следи, чтобы на улицу без приказа

** Письмо, написанное мамой по возвращении из Израиля, где она побывала впервые вместе со своим мужем Семеном Израилевичем Липкиным.

не убегала. Спасибо тебе за весточку-записку, отшлепай Федю*, ущипни его, чтобы и он мне черкнул пару строк. После щипка поцелуй его. Целую тебя, моя кисанька, моя умница. Привет тебе от Паши**, помнишь? Твоя бабушка.

Любимая моя Манька-встанька, станцуйка-порисуйка! Спасибо тебе за твое письмецо. Оно меня так обрадовало своей верой в победу над Хамасом*** и успокоительные слова: «Если по телевизору показывают ужасные вещи – не верь!»

Ах ты, моя добрая, моя умница. Я очень по тебе скучаю и по Феде. Но ты мне пишешь, а Федька – нет. А я не хочу ему писать, чтобы не вынуждать его отвечать на письма. А тебе отвечу на все твои вопросы. Я – ничего, иногда болею, иногда здоровею. Семен – так же, мы часто с ним о тебе вспоминаем, – то, как рисуешь, то, как ты хочешь порадовать окружающих. Помнишь, как у Овсищеров*** ты из салфеток вырезала сердечки? А твоя картина с аппликациями – блестящий натюрморт на черном бархате – всегда у меня перед глазами. Всем хвастаюсь, когда все спрашивают: «А кто это так красиво сделал?» – «Моя внучка!» – гордо отвечаю.

Еще ты спрашивала, как дедушка, Ира, Наташа**** и все Химки. Насчет всех Химок не знаю. А с дедушкой говорила по телефону, и он сказал, что у него, у Иры и Наташи все в порядке. Знаю от мамы, что вы едете в начале апреля в Германию. Желаю тебе, чтобы поездка была интересной, веселой. Чтобы ты нигде не подвернула ногу, а то кто тебе будет все время коленку целовать, как я целовала. Еще мне дедушка сказал, что твоя кошка очень потолстела. Наверное, поэтому ты в письме нарисовала себя маленькой, а кошку огромной. Целую тебя, моя внученька, в коленку, в умный лобик и в глазки.

Люблю тебя. Твоя бабушка.

* Федор Макаров, старший брат Мани.

** Паша Крючков.

*** В это время шла война в Персидском заливе, мама, понятно, очень за нас переживала. Характерно для мамы – она не пишет Мане о своем горе, смерти матери Раисы Сумбатовны Адамовой, это – в письме мне того же дня.

**** Лев Петрович Овсищер (1919-2007), полковник авиации, борец за выезд евреев из СССР, и его жена Татьяна были частыми гостями нашей семьи. В 1990 переехали в Израиль.

***** Вторая жена Григория Корина Ирина Гилярова, и ее дочь Наташа.

Весна 1990

Дорогая моя внучка, лучше которой нельзя придумать! Спасибо тебе за рисунок. Судя по письмам мамы – вам с Федей живется хорошо. Я очень этому рада. Прошла ли аллергия у Феде, а у тебя насморк. Не слишком ли тебе и Феде жарко? Как идут у тебя занятия. Мне очень хочется это все услышать от тебя. Федя мне не написал ничего и не нарисовал. Но девочки более откликливые, в особенности такие, как ты. Выбери часок на один листок – напиши мне письмецо. Очень по тебе и Феде тоскую.

Любящая тебя бабушка целует тебя в шейку, которая так сладко пахнет.

20.3.91

Милая моя Манечка, кисанька моя ласковая! Моя хорошая, моя умница, спасибо еще раз тебе за письмо. Я его уже выучила наизусть, и всем читаю по телефону, потому что мало кто к нам заходит, а звонят многие. И я звоню и разговариваю всем твое письмо – такое оптимистическое, разумное. Как будто ты совсем большой и мудрый человек. Но я-то знаю, что ты еще малышка, еще любишь игрушки и игры. Впрочем, и я – старуха – тоже люблю во что-нибудь поиграть. Бывают и такие люди: до старости могут фантазировать, играть и веселиться. И я, когда хоть чуть-чуть поздоровей бываю, веселюсь как умею. Смеяться – это очень хорошее занятие, в особенности смеяться над собой. Когда сама над собой посмеешься, уже чужие насмешки ничуть не трогают, не обижают. Этому большому искусству не обижаться я уже давно научилась, и так жить куда легче и веселей. Дедушка мне говорил, что ты ему написала о своей кошке как о невероятной толстухе. Интересно бы посмотреть! Может быть, жизнь моя так счастливо обернется, что я смогу еще увидеть Федю и тебя, и маму и папу и даже твою кошку. Передай мой поцелуй папе и Феде. Всех вас поздравляю с приездом Яны! Представляю себе, как вы сейчас радуетесь. Крепко тебя целую, твоя бабушка.

Привет тебе от Семена. И от всей телефонной сети, по которой я читаю твое письмо.

20 апреля 1991

Моя милая, моя любимая Маничка! Нажми на родителей, пусть еще раз пришлют то, о чем я уже писала, и что мне не отдал дед. Он в порядке, гуляет в саду, а сейчас пишет вам письмо*. Я также в полном порядке и только очень-очень тоскую и по маме и по тебе, моя красавица. Кстати, недавно совершенно случайно узнала, что от пищи рыбкам бывает очень трудная аллергия. Посоветуйтесь с врачом. Я маме об этом не написала, а тебе пишу как взрослой.

Да ты и есть уже взрослая девочка, в твоём возрасте, увы, я жила совсем одна, без всякой опеки со стороны взрослых.

Солнышко мое, я так верю в твой талант, так тобой горжусь. Пришли рисунки! И напиши о себе все, что возможно написать. Целую тебя, твоя бабушка.

P. S. А я тебе перепишу свой стишок.

Если у меня будет кассета и оказия, вообще вам запишу свой стихотворный голос, на память.

* * *

Земля дымится, небо тлеет.
Пылают волны и руда!
– Не верьте мне! – все уцелеет –
Земля и небо и вода.

Но человек, но зверь, но птица
Уже как уголья в золе!..
– Не верьте мне! – все сохранится
На окровавленной земле.

Где мудрецы? Где Серафимы?
Стеною кровь идет на кровь!
– Не верьте мне! – Неистребимы
Надежда, вера и любовь.

Твоя бабушка

* Мама с мужем и папа с женой жили в Доме творчества Переделкино, где встречались за завтраком, обедом и ужином, а также на прогулке. Теперь у них была общая тема для разговоров – не стихи, а дети и внуки, и это их сближало.

26. 4. 91

Любимая моя Манечка! Большая моя крошечка! Неужели рыбки у тебя? Я видела твое письмо к деду. Как тебе понравилось во Франкфурте? Как поездка? Что у тебя нового? Может быть, червячки для рыбок? Как твоя подружка Лида и как кошка? Все, что тебя хоть краем касается, мне очень интересно, необходимо знать. Пиши мне иногда, моя добрая внученька! Я так радуюсь твоим письмам и рисункам! Как это чудно, что приехала к вам Яна**! Бываешь ли ты в их с Федькой компании? Золотая моя рыбочка, золотей всех золотых рыбок на свете, живи весело да учись охотно, и жизнь будет совершенно замечательной. Глажу тебя по умной головке. Целую тебя твоя бабушка.

18.5.91

Дорогая моя, сладенькая моя Манечка. Еще раз поздравляю с дебютом***! Прошлый раз я писала в шутливой форме, а сейчас всерьез. Твой дебют очень хорош, но помни слова мудрой твоей бабушки, что первую вещь всегда можно написать, потому что в нее вкладывается весь накопленный опыт. Правда, я хорошо помню и твои рассказы 7-8-летней, и даже более раннего возраста. Помню, как ты указывала, вернее, просила указать точку, где должна закончить рассказ. Казалось бы, вывернуться невозможно, но ты находила способ выражения, именно приблизившись к заданной точке. Это, помню, меня радостно удивляло. Это почти владение формой, что очень важно для пишущего человека, а остальное, что необходимо, тебе объяснит мама. Привет Федьке, папе. Целую тебя, моя радость. Твоя бабушка.

20.5.91

Моя милая Манечка! Вот до чего дело дошло – ты даже гонорар получила за свой рассказ. Ну дела, ну и молодец. Так и оглянуться не успеешь, как станешь опорой в семье. Да, на тебя можно положиться! По твоему письму к дедушке судя, даже на твою кошку можно положиться! Пусть она лизнет тебе руку и за меня. Я очень по тебе скучаю. Слышала краем уха от дедушки, что тебя

** Яна Макарова, старшая дочь моего мужа Сергея Макарова.

*** Манин рассказ с иллюстрацией был опубликован в русскоязычной газете.

допускают посещать художественную академию как вольного художника*. Как ты думаешь, это отразится в твоём творчестве? Есть ли здравый смысл? Пожалуйста, подумай и ответь мне. Что-то ты в последнее время ленишься мне писать. Правда, написанное тобой письмо во время войны вполне искупает твою лень. Но все-таки очень прошу тебя – напиши бабушке, которая очень тебя любит. Целую тебя, моя внученька, моя сладенькая, много раз. Твоя бабушка.

Июнь 1991

Милая моя, сладенькая моя Манечка! Спасибо тебе за письмо, ты меня осчастливила им, хотя мне было бы еще радостней, если бы это письмо ты мне прислала уже после болезни. Как ты себя чувствуешь сейчас? Что это было с тобой, мое солнышко? Где, как и с кем ты проводишь время? Мама написала, что ты образцовая хозяйка и очень здорово ей помогаешь. А кошка тебе помогает? Или, как рыбки, только наблюдают за тобой? Что ты читаешь? Как у тебя с ивритом? Манечка, сейчас на один день я приехала с дачи**. Тебе передали приветы Сонька, Кристина, Маша, Сандрик и Ваня. Все тебя помнят и радуются, что твои рисунки пользуются успехом. Когда до тебя дойдет это письмо, уже, наверное, начнется школьная пора. Береги себя, не бывай на сквозняках. В жару, как ни странно, легко простудиться, даже находясь рядом с вентилятором. Нежно и много целую тебя, моя золотая внученька! Бабушка.

Август 1991

Милое мое солнышко Манечка! Жаль, что мы с тобой мало поговорили по телефону, и в то же время я счастлива была услышать твой нежный, чудный голос. Попыталась слово «голос» нарисовать, да ничего не вышло. Интересно, как бы ты нарисовала это слово? Вот тебе задача от меня попробуй – нарисуй. А кошку я тоже как следует нарисовать не могу. Мама мне сообщила, что

* Художник Иегуда Бакон, мой знакомый, бывший узник Терезина и Освенцима, преподавал в ту пору в Иерусалимской академии художеств, и он разрешил мне приводить Маню к нему на занятия.

** «Дача» – это квартира в Красновидове, куда мы с детьми ездили на каникулы.

ты приступила к занятиям в школе живописи. Что за школа? Ответь мне, пожалуйста. Твой рисунок на белой материи сейчас я приколотла на видное место под телевизором. И люблю твою вышивку больше, чем какой-нибудь телепередаче, кинофильму. Очень тебя люблю, моя красавица. Целую и обнимаю. Твоя бабушка.

Подпись (рисунок)

Это я скучаю по тебе. И потому похожа на плачущую девочку больше, чем на бабушку.

24.10.91

Моя родненькая внученька! Спасибо тебе за краткое послание с двумя нарисованными кошками. Манечка, я очень сильно тебя люблю и тоскую по тебе, и радуюсь, когда мама пишет, что ты нарисовала еще шедевры. Очень горжусь твоим умом и талантом. Скажи Федьке, что я по нему также скучаю. Пусть мне хоть записку черкнет. Я чувствую себя сейчас гораздо лучше, чем в приезд мамы. Вот такая я невезучая. К вам приехала – разболелась, мама твоя приехала, опять, как говорится, 25-пять, то есть опять же разболелась ***. Крепкое рукопожатие и поцелуй от Семена. Целую тебя с ног до головы. Твоя бабушка.

1991

Дорогая моя Манюшка – острое ушко! Спасибо тебе за письмо. Рассмотрела и твою кошку и тебя, и, по-моему, маму. Миленькая моя! От мамы я узнала, что ты написала 5 стихотворений на иврите. Очень мне это интересно. Если можешь, переведи их на русский, не обязательно, чтобы была рифма. Я просто хочу знать содержание твоих стихов. Переведи – слово – за словом, а мысль я уловлю, хотя стихи – самое неподдающееся дело для перевода. Пусть мама или папа или сам Федя тебе поможет.

Не пройдет и месяца, глядишь – и дед приедет к вам. Уж он-то понаслаждается общением с внучкой. Честно говоря, я ему сильно завидую. Как бы я к вам полетела, если бы не Семен. Он тоже

*** Мама писала об этом своей знакомой: «Очень тяжело переживаю то, что не исполнилась моя мечта: ни на шаг от моей дочери во время ее пребывания в Москве, всюду за ней – хвостом». И мне – «И вот – свалилась с почечной коликой, и не могла, хоть ты меня не обделяла вниманием, быть с тобой максимально много».

очень хочет, но врачи запретили. Все-таки возраст серьезный – 80 лет, и я не могу с этим обстоятельством не считаться, не могу его бросить. И все же надеюсь, как-нибудь к вам хоть на неделю рвануть. Очень я по тебе скучаю, то рассматривая фотку, где ты и Федя на кухне, ту еще ту, где мы вместе все. Но на кухне ты уже совсем вытянувшаяся, стройная, такая красивая, что мне кажется, такой другой красивой девочки нет на Земле. Маничка! Целую тебя 1000000000000000000 раз.

Привет и поцелуй от Семена.

(1991, без даты)

Моя дорогая, моя красавица – внучка!

Ну до чего ж ты хороша собой. До меня дошли слухи, что ты сама себя фотографируешь. Так что, пожалуйста, не поспешишь и пришли мне твои фотографии. У меня есть та, где ты сушишь феном свои роскошные волосы и еще та, где ты сидишь в белом, летнего типа кресле, и видны хорошо твои длинные чудные ножки. Эти фотографии всегда передо мной, со мной и во мне.

Деточка, мне даже кто-то сказал, что не только пишешь и рисуешь, но и стихи сочиняешь. А на каком языке, хотела бы я знать? Если по-русски, то пришли мне что-нибудь, я в этом деле неплохой специалист. Я не имею в виду, что я хорошие стихи пишу, чего нет – того нет. Но вот есть у меня очень чуткое ухо на стихи. Так что помни это, и если захочешь кому-нибудь показать помимо мамы и папы, то лучше всего покажи мне. Так в жизни бывает, сам пишешь неважно, а вот понять хорошее в другом человеке можешь. Отсюда, наверное, и критики недурные выходят.

Мама пишет, что пойдешь скоро в специальную художественную школу. Это когда? С будущей осени ли раньше? Говорят, что у тебя много друзей. Видишь, я все пишу «говорят», то есть узнаю о тебе не от тебя. А мне бы так хотелось получить от тебя весточку, письмо. По-моему, ты вполне уже взрослый человек для того, чтобы твоя бабушка могла узнавать, с кем дружишь, чем особенно интересуешься и все остальное от тебя самой.

Я понимаю, письма писать очень неохота. И у меня так было до вашего отъезда, а вот теперь я так жалею, что не писала писем своей бабушке. Правда, моя бабушка была гораздо луч-

ше меня. Она была особенная (мамина мама), у нее всегда был очень грустный рот и смеющиеся глаза. Ты представляешь себе такого человека? Если бы мне рассказали про грустный, даже скорбный рот и смеющиеся глаза, не знаю, смогла бы я зрительно воссоздать этот образ. Но ты ведь художница! Опять же понаслышке знаю, что кошка твоя занимает в твоей жизни большое место. Напиши хотя бы о кошке, ты ведь раньше мне все писала: «Бабушка, здравствуй, как ты и Семен поживаете? Моя кошка»... и так далее. У меня были сведения о кошке и только. Правда, однажды ты мне написала, а все, что ты мне писала, я знаю наизусть, – так вот, ты мне писала однажды «Бабушка, не переживай, Саддама мы скоро победим, не бойся. Издали всегда все кажется страшней».

Подумай только: такая малышка и такая мудрая! Теперь-то ты совсем не малышка, судя по снимкам. Сейчас ты должна быть главной опорой для родителей и Феди. Не знаю, как родители, но Федя явно нуждается в опоре. Так что, если он хмурится или отмахивается от тебя, не придавай этому никакого значения, ему сейчас и самим собой нелегко. Возраст такой, ты же все понимаешь, моя умница. Именно поэтому я тебе пишу как взрослому человеку и не сюсюкаю в письме.

А если говорю, что ты красавица и умница, так это так и есть. Доказательства: твои фотографии или хотя бы одна твоя фраза: «Издалека страшнее». Это так и есть. Это позволяет мне просить тебя далеко от дома не уходить, ну сама знаешь, тебе большой поклон от Семена. А еще от Паши, помнишь дачу Чуковского. Вы с Пашей переписывались в Москве. Он тоже удивляется, как ты внешне переменялась, стала красивой длинноногой девочкой. Крепко тебя целую. Пиши мне. Твоя бабушка – зануда.

(1991, без даты)

Милая моя Маничка! Почему ты не даешь в письмах никакой информации о себе?

Неужели твоя жизнь вся сплошь тайна? Ты только написала о начале учебы и – это все. А мне бы хотелось узнать о тебе побольше. Например, с кем дружишь? Я не пишу – «почему дружишь с тем или другим, с той или другой».

Выйдя из юности, я поняла, что никакой логики в юношеских дружбах искать не надо. Так у меня была ближайшая подруга Люся, мы были с ней неразлучны. Но когда наступила взрослая жизнь, оказалось, что у нас такие противоположные вкусы, мысли, ощущения, способы жить, что просто удивительно, как мы так неразлучничали. Это не значит, что кто-то из нас хуже. Нет! Просто полные несовпадения ни в чем. Раз в году хорошо повидать друг друга, а больше – невозможно. У нее в голове только бизнес. У меня в голове только стихи. То есть все остальное и для нее, и для меня – пустяк. Возможно, в этом виновато общество, делившееся у нас на тайных добытчиков и тайных поэтов. Было бы нормальное общество, возможно, мы бы расцветали гармонично.

Вот я и желаю тебе гармонии. Это самое бесценное, что может быть в душе. Как бы не сомневаешься в себе, в момент творчества все в тебе гармонично, никакого хаоса и раздрызга, невзирая на окружающий хаос. А какая ты красавица на фото! Смотрю – не посмотрюсь. Целую тебя, мое солнышко. Мы – в порядке. Привет от Семена. Твоя бабушка.

2.1.1992

Милая моя Манечка! Красавица моя на всех фотографиях! Спасибо тебе за письмо. Судя по тому, что ты диктовала его Феде, делаю вывод: «Федя уже тебя обижает куда меньше». Ах моя маленькая хитрюшка! Моя сестра была младше меня на 4 года. Но она была прехитрющая. Бывало, стукнет меня мишкой игрушечным, да и давай плакать, что я ее бью. Тут прибегают взрослые, и мне достается добавочно. Вот так не всегда хорошо быть старшей сестрой.

А по Фединому письму я понимаю, что Федя тебя очень любит. Остальное – от повзросления у него. Ты правильно написала дедушке: «Такой возраст». Почему-то ты мне пишешь только о кошке, о рыбках и о Честертоне. Последнее – гигантский шаг вперед. А каково твое окружение? С кем дружишь, что из предметов, кроме рисования, тебя интересует? Я очень по тебе тоскую, очень тебя люблю за твою умную и нежную душу. Мама пишет, что ты уже вовсю говоришь на иврите и даже на иврите ведешь

дневник. Какой дневник ведешь, мама не говорит, и правильно. Дневник – это очень личное дело. Когда-нибудь, когда ты будешь взрослая, а я до этого обязательно доживу, ты мне что-нибудь весело прочтешь из дневника. Привет от меня и кошке, и рыбкам. Не забывай русский язык – пригодится. Всю тебя обцеловываю. Твоя бабушка.

14.4.1992

Милая моя Маничка! Голубка моя! Спасибо тебе огромное за письмо, за информацию о рыбках и кошке. В письме к деду ты очень хорошо описала твой первоапрельский триумф. Здорово же ты всех обманула, моя маленькая хитруля. Очень рада была узнать от тебя, что вы живете хорошо. Это меня очень взбодрило и прибавило мне сил.

Я март, вернее, половину марта, писала стихи. Да и в начале апреля что-то в рифму начирикала. Как только у меня будет что-нибудь, попрошу напечатать стихи и пришлю вам. А пока посылаю мою «научную» книжку. Когда ты еще и еще подрастешь, она тебе, надеюсь, будет интересна. Чтобы она была тебе интересной, ты должна любить поэзию русскую и знать многих русских поэтов прошлого и начала этого столетия.

Сегодня уже солнечный день и довольно теплый – 10°. Немного днем посидела на скамейке и все вспоминала твои картины. «Ай да Пушкин, ай да сукин сын», – так однажды записал в свой дневник Пушкин, выражая радость за им написанное, а за что – увы, не помню. Наверное, ты, когда сделаешь какой-нибудь удачный рисунок, бываешь на подъеме. Так или не так? Напиши мне. Продолжаешь ли вести дневник?

И вообще, что нового в тебе и вокруг, мое солнышко? Не успеваю дописать страницу. Надо срочно передать письма. Целую бесконечное число раз. Твоя бабушка.

(Рисунок)

Вот так не смешно я смеюсь, один только рот растягивается, а ведь должны и глаза смеяться. Но что взять с бабки-неумехи?! Целую, бабушка.

Апрель. Пасха 1992

Дорогая моя, любимая моя внученька! Я в таком восторге от твоих сюжетных рисунков. И Семен в восторге. Какие чудные линии, какое простое решение сложных вещей, какой изумительный ритм! Маничка! Ты – талантливая молодчина! Я так живо и больно для себя вспоминала ваш отъезд. У тебя на затылке нет глаз, а то бы ты изобразила плачущую вам вослед бабушку. А уж как я плакала! Но теперь радуюсь, что вы далеко от жизни в Москве. А то бы у тебя не то что красок, карандаша бы не было. Но я преувеличиваю несколько. Уж для такой художницы я бы наизнанку вывернулась и достала фломастеры за любые деньги. Напиши мне письмо, и пусть и для меня пришлют ксерокс твоих картин. А то мне дедушка не отдает. Он поживает вполне хорошо. Конечно, тоскует по вас, как и я, очень сильно. Но дед и пишет и гуляет в Переделкине, а там, глядишь, и к вам приедет. Я же и Семен из-за его почтенного возраста никуда не можем двинуться. Но даст Бог – и я увижусь еще и с мамой, и с Сережей, и с Федей, и с тобой, моя прелесть.

Так бы сейчас тебя бы расцеловала в коленку. Помнишь, когда у тебя болела нога, я ее целованьем подлечивала.

Мама мне говорила по телефону, что ты и зимой бронхитила. Напиши мне, как ты себя чувствуешь, какие у тебя планы, с кем дружишь, а не только про кошку. Хотя мне и твоя кошка интересна. Передавай от меня привет папе и всем родным и друзьям. Сейчас, наверное, еще пасха, и я тебя с ней поздравляю и желаю тебе, моя внученька, хорошего лета, вдохновенья и верных друзей. Целую тебя, мое солнышко-Маничка, одну единицу с бесчисленным количеством нулей. В конце ставлю знак: ∞ – бесконечность.

Твоя бабушка.

3 мая 1992

Маничка, родная моя, мое солнышко! Прости меня за короткую записку. Не все делается так, как задумываешь. А вот случилась оказия – передать вам письма, и я спешу как сумасшедшая. Маме-то я каждый день писала, а вот получается, что своих любимых внуков всеми своими вопросами не охватила. Но ты мои вопросы знаешь. Как тебе живется, как учеба, кончилась ли?

Как тебе работается? Ведь ты у меня талант! Напиши не только о кошке и рыбке, но и о своих друзьях. Как поживает твой дневник? Не забрасывай, я до сих пор жалею, что в твои годы бросила писать дневник. А как бы сейчас было бы мне интересно, да и полезно, вспомнить все детские, юношеские мысли.

Очень тебя люблю. Целую, твоя бабушка.

17.5.1992

Манечка, золотое мое сердце! Раньше говорили «золотое сердце», имея в виду доброту. Теперь у нас должно быть «железное сердце», то есть – терпеливое. По-моему, я железным обладаю. Набираюсь терпения, чтобы бесстрашно жить и дожить до встречи с тобой – с «золотым сердцем». Путано я тебе пишу, но если вдумаешься – понятно.

Семен тебе посылает привет, часто говорим о тебе и Феде. Надеюсь, что он преодолел «трудный» возраст, и вы с ним живете в дружбе.

Манечка, напиши мне, какие у тебя друзья, чем занят твой день? Просто возьми и опиши один конкретный день твоей жизни. Так, как будто ты дневник пишешь. А может быть, ты уже разучилась писать по-русски?

Не знаю как ты, а я почти разучилась писать стихи. Это от старости. Но твоя старая бабка еще и помолодеет, еще и наберется сил, чтобы приехать к вам. Так хотелось бы с тобой поиграть в дурака и поговорить обо всех жизненных проблемах. Ты такая уже большая, что у тебя и совета можно попросить. А пока посоветуй мне, что надо делать, чтобы не превратиться в шар на двух палочках. Это я так толстею. Очень люблю тебя и скучаю по тебе. Целую 1000000000000 раз. Твоя бабушка. И. Л.

6 сентября 1992 г.

Маничка, мое веселое солнышко! Спасибо тебе за сюжет, рассказ в картинах, я просто наслаждалась, когда дедушка дал мне все рассмотреть. Какая ты умелица и умница!

Моя маленькая! Так я по тебе тоскую. Были бы рядом, я бы тоже танцевала. Мама пишет, что ты любишь и умеешь танцевать, и этим похожа на меня. Мне это очень лестно слышать. Неужели

я когда-нибудь была такой плясуньей и таким талантом, как ты? Даже не верится. Мне и сейчас, когда от вас приходят письма, танцуетя мысленно.

Я так рада твоим картинам. В следующую оказию и мне с Семеном пришли, что нарисуется.

А что это у тебя за мольба, о которой я узнала от деда: ты молишь, чтобы у тебя были друзья. Неужели ты ни с кем не дружишь? Тут какая-то ошибка или неувязка. Не могу себе представить, что у такой открытой души как ты не было бы друзей. Правда, ты и – хитрунья. Поэтому, наверное, у тебя такая мольба, чтобы появились друзья получше и чтобы не спугнуть тех, кто есть.

О кошке спрашивать не буду, ты и сама о ней расскажешь. А вот, что тебя наиболее сильно интересует в искусстве и в жизни, я имею в виду – предметы, напиши мне.

Я тебе пишу как взрослой, хотя мама твоя, Федя и ты – для меня всегда – маленькие дети. Вот когда ты сама будешь мамой, ты поймешь, что дети даже взрослые для матери всегда маленькие. Это не значит, что мать, а тем более – бабушка должна с ними сюсюкать. В душе дети – маленькие, а в жизни хорошие матери обращаются с ними на равных. Это вызывает и чувство независимости и чувство благодарности понятливой маме. Поэтому-то вы так с мамой друг друга любите. Я счастлива, что у меня такие прекрасные внуки, с которыми мама (а для меня – дочка) может разговаривать всерьез, а не играть в детский сад.

Маничка, кисанька моя, дай Бог тебе здоровья! Ты, я слышала, и зимой болела бронхитом. Умоляю тебя, береги себя, слушайся родителей. Ведь родители тоже прислушиваются к тебе. Целую тебя 1000000000000 раз. Твоя бабушка.

18.9.1992

Дорогая моя, моя любимая Маничка! С днем рождения! Сегодня я буду весь день думать о тебе и желать тебе здоровья, веселья, учебы без нудьги. Здесь у нас уже лет 60 не учеба, а нудьга. Вот и бабушка твоя все время отлынивала от школы. Сейчас и вовсе стало хуже, можно обо всем говорить, но не можно есть и пить. Так что я и по этой причине рада, что ты в Иерусалиме,

а не в Москве. Хотя я очень тоскую по тебе, по маме, по Феде и Сереже. Подумай только, стихотворец, даже такой незначительный, как я, наговаривает в стихах себе судьбу. Так двадцать лет назад я написала стихотворение, где были такие строки: «Под небо Иерусалима моя устремилась родня». И вот все сбылось на радость вам и мне. А как бы я была счастлива, если бы жила неподалеку от вас! Но жизнь не пускает, 19-го исполнится Семену 81 год, и никуда я не могу от него уехать.

Это мое письмецо придет вместе с дедом и, значит, опоздает к твоему дню рождения. Но я всей душой сегодня с тобой. Может быть, и ты меня вспомнила сегодня – так упорно я о тебе думаю. Очень хочу, что многие твои мечты и надежды сбылись. Я пишу «многие», потому что все желания ни у одного не сбываются. Радуйся всему, что у тебя идет хорошо.

Моя дорогая, не ленись, ответь мне на письмо. Мне очень хочется знать о тебе самое главное и не самое главное. Все мне интересно, как живешь, о чем думаешь, какие у тебя друзья, какие развлечения, как твоя учеба? Научилась ли ивриту и в какой степени? Пишешь ли дневник? О кошке не спрашиваю, поскольку ты о ней всегда пишешь. Веселись сегодня, моя внученька, пой и танцуй. Поздравь маму и папу, и Федю.

Целую тебя, мое солнышко ∞ раз. Твоя бабушка.

Конец сентября 1992

Милое мое солнышко – Манечка! Ты такое чудное солнышко, что светишь мне даже издалека. А какие картины ты деду подарила! Я так им радовалась, что не смела даже завидовать деду. Думаю, что оказией ты и мне пришлешь один-два шедевра, чтобы могла их повесить, – радоваться, да других радовать.

Вот мама и уезжает завтра, очень мне печально, но я радуюсь, что вы будете счастливы маминому возвращению, и она будет счастлива вернуться к своим детям и к Сереже. Папу твоего поздравляю с прошедшим твоим днем рождения и предстоящим – Фединым*.

Манечка! Какой у тебя нежный голосок по телефону, так приятно мне было тебя услышать! Манечка, когда будет охота и время,

* Федя родился 3 октября.

напиши мне письмо. Твои письма всегда интересные, информативные. Как сейчас поживает твоя кошка? Что вытворяет?

Чем ты сейчас увлечена и как учишься? Мне все важно и интересно!

Много, много раз тебя целую. Твоя бабушка. Привет от Семена! Будь здоровенькой!

1992

Дорогая моя Манечка! Умница моя! Какое чудное письмо ты мне написала!

Какого израильского кота нарисовала у пальмы! У Пушкина кот ученый ходит вокруг дуба, кот на золотой цепи. А у тебя кот вольный возле пальмы: «пойдет направо – речь заводит, налево сказку говорит»*. Кажется, я процитировала правильно. Твой кот в сапогах настолько подвижный, что так и видишь, как он гуляет вокруг пальмы.

Каждая строчка твоего письма информативна и наглядна. Так и вижу тебя, как ты готовишься к празднику Ханука, как гладишь свой наряд. И ясно, раз ты так занята кружками, то Ханука для тебя – не только веселье каникул, но – дело. Это прекрасно. А как замечательно начинается письмо: «Привет бабушка! Я живу хорошо!»! Всякую бабушку, даже самую никудышную, обрадует, что внучка не зануда, весела и с юмором.

Вот ты пишешь: «мама учит уроки по ивриту, путая все на свете!» Как много сказано тобой одной этой фразой! Тут и – нежная ирония, и сочувствие мудрое маме, – ведь легче всего всему учиться в детстве. А как выразительно и точно ты шутишь: «Федя выкладывает свои самые «глубокомысленные» шутки!»! Так и вижу Федю с его юмором взрослого человека. Да он, и впрямь, уже очень взрослый. Передай ему привет от меня и Семена.

Ходила ли ты в парк по грибы, что это за грибы – нарисуй! Мне приятно ответить тебе, что и у нас у всех веселое настроение, и все смеются. Это тем более точно, чем нелепее жизнь. Как тут не смеяться!

Я здорова, и в глубине души очень грущу, что отказалась к вам поехать. Все боюсь обеспокоить вас собой. Солнышко мое! Я очень

* Идет направо – песнь заводит, / Налево – сказку говорит.

довольна тем, что тебе пришлось по сердцу Михаил Натанович**. Он человек – великолепный. Передавай ему привет от меня и Семена. С его женой я, к сожалению, не знакома. Обнимаю тебя и целую. Привет от Семена. Очень тебя люблю. Твоя бабушка.

Декабрь 1992

Милая моя Маничка, красotka! Хоть ты меня и не удостоила ответом на мое предыдущее письмо, я тебе все равно пишу. Помнится, в прошлом письме к тебе я умилялась нашими с тобой общими чертами характера. А сейчас сильно призадумалась. Если бы именно в твоём и даже более нежном возрасте, я много бы читала, занималась, из меня бы вышел действительно хороший поэт. Теперь, когда я вспоминаю свое тяжелое детство и отрочество, где было много и свободного времени, я ужасаюсь тому, как я мало хотела узнать. Несмотря на голод, я хотела только поселиться. Это мне вышло боком. Я – стихотворец с очень узким кругом знаний, только с большим жизненным опытом. А это очень мало для человека творческого. Сужен круг ассоциаций, а нам, поэтам и художникам, надо прекрасно знать не только библию, а всю историю человечества и искусства.

Я тебе об этом пишу, только потому, что очень тебя люблю. Я понимаю, что никакие примеры из моей жизни, никакие мои просчеты в моем творчестве не убедят тебя и не подвигнут на серьезное к себе отношение в смысле познания мира. И все-таки призадумайся. В твоём возрасте трудно призадуматься о будущих результатах и точных, просто даже невозможно это сделать. Или есть с детства страсть познавать историю и окружающий мир, или – нет, и все тут. Но я твоя бабушка и хочу, чтобы ты хотя бы внимательно прочла это мое письмо, ведь в детстве я была такой врушкой и перебежчицей из школы в школу, что тебе меня в этом смысле не переплюнуть. Но ведь я и росла одна, и не было у меня никого, кто мог меня бы урезонить. Да и вряд ли вышло бы, даже если бы были родители. Но теперь я так жалею, так жалею, что упустила драгоценное время.

** Врач-анестезиолог, который присутствовал при операции С. Липкина. Он и его жена Люся переехали в Израиль.

Ты можешь, пожалуйста, рассердиться на мою лекцию-учительство в письме. Но ответь мне, даже и рассерженно, на то, о чем я тебе пишу. Одного таланта и ума, – а этого у тебя достаточно, – мало, нужны позарез и знания. Я так и вижу, как ты читаешь мое письмо и смеешься: «Ну и бабушка – зануда!» Я сама его пишу и смеюсь над тем же.

Маничка, наступает Новый год. Я тебе желаю в нем здоровья, не болей, старайся не простужаться. А еще желаю много-много счастливых дней и веселья, и прошу прощения, учебы себе даже во благо. Целую тебя, моя красавица, умница и глупница, твоя бабушка! Будь счастлива!

18.3.93

Маничка, моя хорошая, моя милая! Как я счастлива была слышать твой голос по телефону, – какой чудный колокольчик, – он до сих пор звучит у меня в ушах. Такой звон очень многих колокольчиков я слышала только однажды в жизни, когда в Бурятии подъезжала к буддистскому храму. Вокруг него, на его стенах, – очень много маленьких колокольчиков и они звенят от колебания воздуха, а не то что – от большого ветра. И звон – нежно-волшебный.

Вот и голос твой такой же нежно-волшебный. Деточка моя, как только у тебя будет свободное время, напиши мне письмо. О чем хочешь, и обо всем. Чем живешь. Прости меня, я совсем забыла о своем плохом почерке и пошла строчить тебе письмо мелкими буквами. Как будто ты Леночка, и давно разбираешься в моих каракулях. Да еще – с наклоном. Солнышко мое! Только сейчас прошли морозы, и месяц март начинает течь всем многоснежьем нынешнего года. Снег был такой обильный, что ноги утопали, а машины – тем более. Сейчас бессолнечно, и только одно солнышко чудом мне светит – это ты! Нарисуй мне еще что-нибудь. И если не лень, опиши мне эту зиму в Иерусалиме. Какая она была? Очень надеюсь на встречу в будущем году. Как мне хочется всех вас обнять! А сейчас в письме обнимаю тебя и целую. Твоя любящая бабушка.

18.9.1993

Дорогая моя Манечка, Солнышко мое! Поздравляю тебя с днем рождения! Как хорошо, что твой день рождения почти всегда сов-

падает с Новым годом: Рошошона. Правильно ли я написала? Желаю тебе здоровья, будь умницей и красавицей, слушай маму с папой. В твоём возрасте моя мама жила далеко, папа был на войне, и я была одна-одинешенька. Война началась, когда мне было 13 лет. Как, оставшись одна, я жалела, что годом раньше не хотела слушаться родителей, очень была упряма и своенравна. Я думала: вот были бы мама и папа рядом, я бы ничего не делала такого, что им бы не нравилось, не огорчала бы их, не сидела бы на 300 г хлеба в день, а жила бы как мои подруги. Но сожалеть мне было поздно. Просто я пишу тебе о своём тринадцатилетии. Слава богу, ты, наверное, все-таки на меня не похожа, я была очень непослушная, своенравная и упрямая. До сих пор жалею, что была такой. Манюшка, и что это мне взбрело в голову, что ты можешь быть такой же, как была я? Думаю и надеюсь, что это не так. Спала ли с новым годом у вас жара? Что ты делала в такую жару? Наверное, рисовала в доме, или я ошибаюсь? Жить так далеко и не ошибаться, видимо, невозможно. Вот я и думаю о тебе всякие глупости. Не сердись, просто бабкино воображение разыгралось, вспомнила себя в твоём возрасте, испугалась, что ты можешь быть похожа на меня. Манюшка, родная, поддерживай сейчас маму, ей должно писаться, а разве мужчины это понимают, как следует? Обычно это понимают дочери. Так что ты помоги ей, пожалуйста, поддержи морально, да и по дому помогай. Вот вместо веселого письма написала тебе целое послание, какой надо быть, а какой не быть. Главное, будь здоровенькой, а твоей маме в 13 лет совсем было нелегко, пусть тебе расскажет. Я хочу, чтобы тебе жилось легко, гармонично с окружающими тебя, чтобы у тебя были хорошие умные друзья. Ещё раз поздравляю и желаю тебе всего, чего ты хочешь для себя. Бабушка. Целую 1000000 раз.

1993

Дорогая моя Манюшка! Мне Яна по телефону рассказала, какое чудное письмо в рисунках ты мне послала. Большое тебе спасибо. Жду не дождусь Яниного приезда. Очень хочу прочесть рисунки. Ох! Ты меня и балуешь, моя красавица. Так все о тебе говорят: «красавица», а не только мама с папой. А уж мне так хочется тобой полюбоваться, хочу тебя, как кошка, пооблизать, потереться о тебя головой.

Я по тебе как-то по особенному тоскую, если бы говорила не о себе, то сказала бы: «Манькина бабушка как-то очень трогательно тоскует по своей внучке». Жаль, что я тебе отвечаю, не просмотрев твоего письма. Не получается. Яночка приедет, чтоб привезти ваши письма и тут же уехать. Но я тебе следующем письме все напишу, а сейчас заранее радуюсь.

Маничка, ты в этом году особенно душевно поддержи Федю и родителей, ведь им в связи с Фединым решением ехать учиться в другую страну трудно. Да и тебе нелегко знать, что через год Федя поедет, например, во Францию. Но ты мне кажешься человеком очень добрым, сильным и целеустремленным, несмотря на то, что и хнычешь время от времени. На то ты и девочка-красавица. Сфотографируй себя и пришли мне – во весь рост. Я все же не теряю надежды, судьба может по-всякому повернуться, хоть на неделю прилететь, интенсивно наглядеться на тебя, маму, Федю и Сережу.

Напиши про каждую комнату и кто в какой живет. Сделала ли ты для себя тот уют, который тебе нравится? Есть люди, находящие уют в разбросанности. Такая ли ты? Я в детстве и в молодости была такой, а теперь не могу ни строчки написать, если все вещи не на месте. Я себя чувствую сейчас вполне хорошо, Семен – похуже. Он тебе передает огромный привет и очень часто говорит со мной о твоём таланте художника. Целую тебя бесконечное число раз. Твоя бабушка.

1993?

Манечка, милая моя, моя хорошая! В следующий раз не забудь мне послать письмо. Очень тебя прошу. Но я все-таки давно, пусть полминутки, да слышала твой колокольчик – у тебя точно такой голос, как был у твоей мамы в твоём возрасте. Несколько переместился акцент – от среднерусского к ближневосточному. И это очень приятно слышать, моя израильтяночка. Напиши мне, чем более всего любишь заниматься. Вопрос мой не совсем глуп. Я знаю, что твоя страсть – живопись, но я знала, что у Феи интерес к языкам и даже к биологии. И надо же – все изменилось – Федя больше всего любит кино. А что изменилось в твоей жизни, в твоих вкусах? Мне знать это очень важно. Важность этого мне

тебе очень трудно объяснить. Ведь ты мне можешь очень справедливо ответить: «Если тебе так важно не только моя жизнь, а еще и мои вкусы и пристрастия, тогда переезжай в Израиль и живи близко от нас»!

Но, моя внученька, моя любимая, я уже перешла ту грань возраста, за которым можно что-либо изменить. Разве могу я изменить время? Нет, конечно. Вот также мне трудно изменить точку пространства в этом времени. Особенно из-за Семена, который тебе посылает привет. С кем дружишь? Как поживают Миля и Ида*? Как Овсищеры? Передай им привет. А еще привет Лене Кешман**, и Биллу***, и Толе****. И всем своим друзьям передавай привет. Даже кошке, если она понимает иврит. Крепко целую и много раз.

Твоя бабушка.

Конец 1993

Дорогая моя Маничка, кисанька моя! Что же ты мне с Юлей***** и словечка не написала? Я очень огорчилась. Я так всегда радуюсь твоим, пусть самым коротким письмам и рисункам, приложенным к ним! Я огорчилась, но не обиделась, потому что очень тебя люблю. А кто любит, тот и пишет чаще и только надеется на взаимность, но не обижается. Так должно быть во всякой любви. Ну, как например, тебе обижаться на мальчика, если он тебя не любит, а ты его любишь? Даже если когда-то клялся в любви, да вдруг разлюбил, тут делать нечего. Если есть гордость – пережить молчком, поплавав в подушку. А у бабушки не может быть гордости, тем более что ты в любви мне не клялась.

Солнышко мое, ты мне очень смешно нарисовала в том еще письме наш переворот. По-моему, рисунок не только смешной, но и провидческий. Мы так и продолжаем находиться в перевернутом

* Брат моего папы с женой, переехавшие в Израиль из Баку в 1991 г.

** Моя близкая подруга еще по Москве.

*** Вильям (Билл) Гросс, знаток и коллекционер иудаики, наш друг в Израиле с первых дней. Он и его жена Лисса встречали нас в Хайфском порту. Семья Гросс опекала нас и наших друзей, прибывших в Израиль. В ноябре 1990-го мама и Семен Израилевич были гостями их дома.

**** Друг нашей семьи инженер Анатолий Гершенович Комиссар.

***** Юлия Макарова, дочь моего мужа Сергея.

состоянии. Коммунисты все равно входят в силу пробьются на выборы в парламент.

Красавица моя! Получила от твоего папы или Юли твою фотографию во весь рост. Стоит красиво длинноногая девушка с котенком на руках. Ну как же ты хороша собой, моя внученька. Интересно, что творится с мальчишками, когда они на тебя смотрят? Не падают ли по обе стороны от тебя замертво. Как же мне хочется с тобой хоть один вечерочек провести, налюбоваться. Сейчас фото поставлю под стекло моих полок книжных прямо перед собой. И всегда буду восхищаться твоей красотой. Если твоя душа так же прекрасна (а я на это очень надеюсь), то какое ты у меня чудо. Малышка моя любимая, как же ты стройна, высока и красива!

Мне Галина Бови*, ты с мамой у нее была в Швейцарии, говорит, что твои жесты – чистая Инна Львовна в манере говорить и жестикулировать. Но, думаю, и носом ты в меня и длинноногостью. Я невысокого роста, чуть выше мамы, но ноги у меня для моего роста очень длинные. Однако и у Яны ноги длинные, а Юлю я видела только маленькой девочкой.

Я так потрясена твоей фотографией, что ничего не помню уже из того, что собиралась тебе написать. Письмо я начала писать до прихода Яны. Потом мы с ней прекрасно съездили за маминым гонораром. Яна меня проводила домой, мы попили кофе с пряниками, покурили, поговорили о тебе. Она мне твою фотку передала в метро, вагоне. Я так вслух ахнула восхищенно, что на меня уставились сидящие напротив. Вообще день удался на славу, после почти четырехлетнего сидения в одном помещении я с Яной очень даже спокойно ехала в метро и спокойно переходила дорогу, чему не могу нарадоваться. Помнишь, как мне было все это трудно даже у вас – только машиной мне нужно было. А тут я оказалась молодцом. Солнышко мое, при такой красоте ты должна быть внимательной дочкой, помогай родителям. Они у тебя такие прекрасные. Целую тебя 10000000000000 раз. Твоя бабушка.

* Галина Бови-Кизилова, сочинительница и исполнительница песен на стихи любимых ею поэтов, мамыны стихи занимают в ее репертуаре центральное место.

17.2.1994

Манечка, красавица моя! Поздравляю тебя как главного художника школьной газеты. Спасибо за рисунок. Я, Семен, Яна и дед тебя крепко целуем. Я еще раз дополнительно. Спешу. Вот уже позвонили по домофону, бегу открывать дверь. Скоро напишу подробное письмо. Будь здоровенькая моя хорошая, добрая Манечка! Твоя бабушка.

17.9.1994

Дорогая Маничка! Красавица! Поздравляю тебя с днем рождения. Желаю здоровья, счастья, успехов – на всех фронтах, в особенности – на учебных. На остальных фронтах ты вполне преуспеваешь. Прости, нет никакого подарочка у меня для тебя. А пишу я накануне твоего дня рождения. Очень стыдно мне, что нечего тебе послать. Жаль, что мы так с тобой и не поговорили в Москве или Переделкине. Я не привыкла навязываться, даже собственной внучке. Жаль мне сейчас, что у нас не вышло контакта. А потом, спустя время, и тебе будет жаль того же самого.

А пока будь счастлива. Надеюсь, что – твой праздник удастся на славу. Поцелуй папу и Федю и поздравь их от моего имени с твоим днем. Целую тебя. Твоя бабушка.

1995

Маничка, милая моя! Хотя ты мне ни гу-гу, я не писать тебе не могу! Я-то знаю, чувствую, что ты добрая девочка! Напиши мне. Только не ври. Врать я и сама умею прекрасно. Для меня всякие врушки – детские игрушки. Так было, так и осталось с детства моего. Я себе пытаюсь представить, как это ты грациозно несешь поднос, но вот как ты, например, учишься, трудно себе представляю. То, что ты модница – это я видела. Видела и то, что ты, если задумаешься, всегда принимаешь правильные решения, но не без придури. Это уж точно. Не вызывает ли твоя дурь семейных бурь? Почему-то, когда я тебе начала писать, мне захотелось рифмовать. Может быть, ты сегодня написала в свой дневник какое-нибудь стихотворение? В твоем уже солидном возрасте люди очень быстро растут. Не успеешь оглянуться, а вчерашнее дитя вырастает не шутя. Вот и опять рифма, хоть и слабая. Не знаю, как у тебя,

но у меня в твои годы уже образовался образ идеального человека. Может быть – супермена. Но я до такого человека не только не выросла, а даже не достарела. А пора бы хоть достареть. Если у тебя есть идеал человека, то попробуй мне описать такового. Мне очень интересно сравнить, совпадает ли этот образ с тем, что я себе нарисовала 50-52 года тому назад. Это чисто психологический тест на два поколения вперед. Точно знаю, чего у меня не было, и быть тогда не могло в мыслях: это – богатства. Я никогда в своих юношеских мыслях не рисовала «богатый» идеал. Но не буду морочить тебе голову. Если можешь и хочешь, ответь на мой вопрос. А тебе в ответ честно без завирания напишу, каким мне представлялся «идеальный» человек, если ты принимаешь мою игру.

Маничка, я знаю, как ты не любишь слышать что-нибудь невеселое, поэтому не пишу, как я болела с 20-х чисел октября. Мне с тобой хорошо бы наладить письменный контакт, поскольку очень хочется знать о тебе именно от тебя. Будь здоровенькая и счастливая в Новом году, моя брыкливая внученька. Желаю тебе и красоты, но, по-моему, дальше некуда, так ты красива. Целую тебя. Твоя не молодящаяся, но веселящаяся бабушка.

Храни тебя Бог!

(1995, без даты)

Дорогая моя Маничка! Спасибо тебе за коротенькое, но очень душевное письмецо. Ты просишь писать тебе, что я делаю с радостью. Думаю, что при встрече у нас будет теперь о чем поговорить. Ты, я чувствую, стала взрослым человеком, независимым, но сердечным. Видимо, у тебя появились сердечные дела. Если это так, то напиши, кто твой френд. Как проводишь время. Мама о тебе пишет мне с большой любовью. Описывала, как вы с ней кутили в кафе. И о том, как вы хорошо понимаете друг друга. Пора! Сейчас вы без Феди и папы. Наверное, ты очень помогаешь маме справляться с ее проблемами – ведь столько работы у нее! Да и ты – не бездельница! В чем состоит твоя работа в гостинице. Там бар?

Я очень нецивилизованная, отсталая и глупая старуха. Но хочется совать нос в ваши с мамой дела. Опиши мне, где и чем ты занята. Как закончился учебный год, я тебя не спрашиваю, помня себя в твоём возрасте. У меня бывало по-всякому: и хорошо и плохо. Не была

дисциплинированной твоя бабушка. Да и откуда было мне быть аккуратной отличницей? Ведь уже с 13 лет я сама себе зарабатывала на хлеб, жила, в сущности, без семьи. А шла война. И я так рада, что у моей внучки, слава богу, есть и мама и папа. И какая-никакая – голова на плечах. Не знаю, что внутри, но с виду голова – красивая.

Семен тебе шлет привет и поцелуй. Может быть, весной мы с Семеном приедем в Иерусалим, если будем живы-здоровы. Не хотим жить у вас – и без нас хватает, снимем комнату где-нибудь на месяцок неподалеку от вас, чтобы чаще видеться. Возможно, Семена кто-нибудь пригласит, об этом надо подумать – он у нас как-никак еврей полный, да еще лауреат Пушкинской международной премии. Израиль им может гордиться – это я не всерьез, а для смеху. Израилю сейчас не до поэтов, арабов хватает. Короче, если к весне хоть что-нибудь останется от премии, мы задумали поехать в Иерусалим. Очень без вас тоскливо. Но веселость сохраняем, иначе нельзя. Где, интересно знать, сейчас путешествует Федя? Я и радуюсь за него и беспокоюсь. Так же – за тебя и за маму. Папа твой, как я понимаю, уже во Франции*. Как он там? Пиши мне, моя кисанька, о себе и обо всем, что тебя интересует. Целую тебя, моя красавица. Твоя бабушка – нескладушка.

15.3.1996

Милая моя Маничка! Что это у тебя с железками? Деточка моя, следи за собой. Очень тебя прошу. Может быть, ты их перенапрягла (железы), занимаясь усовершенствованием мышц? Я всегда о тебе думаю, очень тебя, особенно за последнюю с тобой встречу, полюбила. Жалко только, что в тебя из меня переселилась строптивость и сверхнезависимость. Чертова летающая свинья, надо было бы передавать внучке в наследство только красоту рук, а не некоторые черты характера.

Если у тебя найдется время и охота, черкни мне несколько слов о себе. Если Федя, и в самом деле, дома, то передай ему от меня привет и чмокни его за меня. Но чмокать, я заметила, ты не любишь. Ты иначе, по-своему, выражаешь сестринскую любовь. Так что, как сможешь, так и за меня вырази. Я знаю, что

* Сережа работал переводчиком во французской фирме, два раза в год по несколько месяцев пребывал в Антибе, неподалеку от Ниццы.

ты очень помогала маме и папе в последний месяц. Ты вообще – молодец. Целую тебя, нюхаю шею, железочку, пусть скорее выздоравливает. Твоя летающая свинья – бабушка.

7.4.1999

Привет тебе, моя внученька! Манька, ты зря на меня обиделась!¹ Это не тебе не оказалось места в зале, а мне молодой. Ведь если вспомнить себя в детстве и в ранней молодости, то я абсолютная копия тебя. И каково бы мне было бы, помимо того, что действительно, списки уже были посланы в типографию, стоять на трибуне и знать, что в зале – моя непредсказуемая копия юных лет. Жаль, что, когда я была у вас в гостях, ты не могла мне уделять время, – занята бывала. Может быть, я бы легче освоилась. Но что прошло, то прошло. А я радуюсь, что тебе неплохо живется, что ты по уши влюблена и много рисуешь. Хорошо бы познакомиться с твоими рисунками и предметом твоей любви. Маничка, спасибо, что ты меня поздравила. Я хоть в молодости и твоя копия, но с гораздо худшими дополнительными чертами. Я бы жутко обиделась и уж никакого письма такой бабушке не послала бы. А ты очень хорошая Манюня. Мама должна тебе от меня кое-какой подарок передать по своему усмотрению. Поскольку она не спешит, я думаю, что слишком гоняешь на мотоцикле. Или еще что-нибудь в этом роде откальываешь. Может, все-таки ты не чересчур моя копия и маму свою не огорчаешь, как это делала я? Леночка прислала мне гениальное начало новой своей вещи, я горжусь своей дочерью и тебе советую гордиться своей мамой. А если что не так, – простим ей за ее дар Божий. Привет кошке. Я мечтаю осенью до вас долететь и получше узнать собственную внучку, чтобы не путать ее с собой, давно прошедшей. Привет тебе от Семена, целую, твоя пугливая бабушка.

Публикация Елены Макаровой

Тексты писем публикуются в авторской орфографии

* Мама получала Государственную премию, но именно в этот день я не могла быть в Москве, предложила вместо себя Маню. Но мама не согласилась.